

УДК 94:327

ДИПЛОМАТИЯ ФЛАМАНДСКИХ ГОРОДОВ В XIV – НАЧАЛЕ XV ВЕКА

МАЙЗЛИШ А.А.,
кандидат
исторических наук,
Институт Всеобщей
истории Российской
академии наук

«Международные» отношения в Средние века представляли собой достаточно сложную систему взаимодействия между сторонами, зачастую имевшими разный правовой статус. Поэтому сложная ситуация, в которой оказались фламандские города в начале Столетней войны, побудила их искать нетрадиционные способы защиты своих экономических интересов. Это привело к выступлению фламандских городов (Гента, Брюгге и Ипра) в качестве фактически самостоятельной силы, проводящей собственную внешнюю политику.

Ключевые слова: Фландрия, города, Средние века, дипломатия, Столетняя война, международные отношения, Нидерланды, политическая история, городская история.

Сложный процесс складывания союзов и борьба за сферы влияния накануне и в ходе Столетней войны, в который оказались в большей или меньшей степени вовлечены практически все государства и княжества Западной Европы, способствовал появлению новых активных участников «международных отношений». В ситуации, когда процессы формирования национальных государств не были завершены даже на территории главных участников конфликта – Франции и Англии¹ – стоит сделать оговорку о том, что само понятие международных отношений на данный момент еще представляется относительным. Внутри отдельных государств или княжеств зачастую параллельно с представителями официальной верховной власти действовали полу- или практически самостоятельные силы, которые также играли

значительную роль во внешней политике. Отношения подчинения между подобного рода внешнеполитическими игроками и центром могли складываться очень по-разному. Внешнеполитические интересы подданных одного и того же верховного сюзерена часто резко противоречили друг другу, что делало практически невозможным проведение какой-либо единой внешней политики.

Особенно ярко эти тенденции просматривались в XIV-XV вв. на территории Священной римской империи практически не подчиненной верховному контролю своих «официальных» правителей. Многочисленные западногерманские и нидерландские княжества, входившие в её состав, самостоятельно определяли свою позицию в разгоревшемся конфликте, больше исходя из существовавших противоречий с соседями, общих экономических интересов и возможной финансовой выгоды от поддержки той или иной стороны, чем из позиции, «официально» выраженной тем или иным императором².

Но и в отношении земель, находившихся под сюзеренитетом французской короны, в значительной степени сумевшей к началу XIV в. консолидировать силы входивших в состав Франции герцогств и графств, невозможно говорить о существовании общих для всего королевства внешнеполитических и экономических интересов. Одним из наиболее самостоятельных регионов, фактически лишь номинально подчинявшихся власти Франции, была Фландрия. Тесные экономические связи между фламандскими городами и Англией способствовали тому, что еще в конце XII - XIII в. графы Фландрии нередко проводили внешнюю политику, направленную против своих верховных сюзеренов. Политическое развитие и «коммунальные революции» внутри самих фламандских городов, в свою очередь, обостряли их отношения с непосредственными сеньорами – графами Фландрии. Это способствовало и началу проведения городскими советами фактически самостоятельной внешней политики.

Попытка Филиппа IV Красивого сыграть на противоречиях графов Фландрии и фламандских горожан и ввести в графстве прямое французское управление не увенчалась успехом, во многом из-за непонимания французами местной специфики. Тем не менее, разгоревшийся в начале XIV века франко-фламандский конфликт привел к значительному увеличению роли городов в управлении графством. Сложившаяся в преддверии Столет-

ней войны критическая для экономики Фландрии ситуация вызвала масштабное восстание (1337-1345), во время которого представители городов в том числе имели возможность для реализации собственной «внешнеполитической программы».

Кроме того, многочисленные переговоры, в которых участвовали фламандцы в этот период, привели к тому, что и внешние партнеры Фландрии начали рассматривать города как отдельных (пусть и не в полной мере самостоятельных с официальной точки зрения) участников международных отношений. Стоит отметить, что нидерландские и западногерманские города в ряде случаев уже рассматривались в качестве силы, на которую возможно опереться, если правитель того или иного княжества входил в состав враждебного лагеря. Еще во второй половине XIII в. герцог Жан (Иоанн) I Брабантский заключал экономические и политические договоры с горожанами Льежа, Кельна и Ахена в обход их сеньоров. Именно основанный на общих торговых интересах союз с городом Льежем позволил обеспечить нейтралитет Льежского епископа в войне за «Лимбургское наследство» (1283-1289) с коалицией, возглавляемой графом Гелдерна и архиепископом Кельнским. А восстание, организованное горожанами Кельна против архиепископа помогло практически нейтрализовать его силы, способствуя победе войск Жана I в битве при Воррингене (1288)³, принесшей Брабанту положение регионального лидера, которое сохранялось до середины XIV в.

В этой связи контакты фламандских горожан с Филиппом IV (т.е. обращение к верховному сюзерену в обход своего непосредственного сеньора) можно рассматривать как нечто достаточное обычное для Нидерландов, но всё еще находящееся «на грани» внутренней политики Французского королевства. Но переговоры фламандцев и заключение союзов с соседними нидерландскими княжествами и Англией в первые годы Столетней войны, несомненно, возможно считать выходом на уровень внешней политики. Гент, Брюгге и Ипр, сумевшие еще в начале XIV в. поставить под свой контроль большую часть земель графства, таким образом, во многом оказались похожи скорее на итальянские города-государства или республики, чем на большинство городов севера Франции. Достаточно частой была и ситуация, в которой графы Фландрии были вынуждены сбегать от своих подданных, опасаясь чрезмерного политического давления со стороны городов, которое могло бы

привести к «принятию» их сеньором противоречившего его личным желанием решения. В этих ситуациях фламандцы фактически как бы оказывались предоставлены сами себе.

Например, по сообщению «Фландрской хроники» (вероятно, всё же несколько преувеличенному), жители Брюгге, Ипра и Вольного Округа Брюгге (Франк де Брюгге), поддержавшие восстание, начатое Николасом (Николаем) Заннекином, столкнулись с тем, что от них сбежали и все рыцари. Таким образом, горожане должны были сами организовывать оборону против сил короля Филиппа VI, который в 1328 г. выступил против фламандцев по просьбе их сеньора – графа Людовика Неверского⁴. Последний, по сообщению Ж. Фруассара, жаловался королю, что жители большей части Фландрии «не признают» его «графом и господином»⁵. Впрочем, другие хроники, описывающие те же события, подходят к их оценке менее «радикально», сообщая, что фламандцы просто отказывались подчиняться графу (не ставя под сомнение его номинальную власть над ними)⁶, считали его правление несправедливым и обращались с ним неподобающим образом, заключив до этого под стражу⁷.

Таким образом, можно говорить о том, что, несмотря на почти не прекращающиеся конфликты с правителями на протяжении XIV века, лишь во время самых крупных восстаний, перерастающих в общефламандские, горожане Фландрии начинали искать «альтернативные» способы решения острых внутри- и внешнеполитических вопросов, идя на самостоятельное принятие решений. В первую очередь речь идет о двух «Гентских» или «Фламандских» восстаниях: 1337-1345 гг. и 1379-1385 гг. Во время первого из них горожане, оказывавшие на Людовика Неверского достаточно сильное давление, всё же не смогли убедить его в необходимости отказаться от поддержки Филиппа VI в назревающем конфликте с Эдуардом III, применившего для «перетягивания» Фландрии на свою сторону экономическую блокаду, из-за которой разорялись фламандские ремесленники. По сообщению Ж. Фруассара, «представители добрых фламандских городов» часто совещались друг с другом, пытаясь найти решение этой проблемы, и многие из них склонялись к тому, что союз с Эдуардом III будет более выгодным, но «их сеньор, граф Фландрии, имел решающий голос на их совещаниях и заседаниях и отвергал все предложения, которые были хороши для общественного блага страны, но вредили французской короне»⁸.

Тем не менее, фламандцы, убежденные Якобом ван Артевельде в том, что можно найти «безболезненный» выход из сложившегося положения, сохранив мир и с Англией, и с Францией⁹, пошли на ведение самостоятельных переговоров с Эдуардом III, направив к нему посольство. Эдуард предложил фламандцам убедить Людовика Неверского прибыть на переговоры в Антверпен, но, не отрицая таким образом права Людовика как сеньора графства, дал горожанам понять, что в случае отказа их правителя, жителям Фландрии следует принять самостоятельное решение. Несмотря на кризисную ситуацию, фламандцы – и в первую очередь традиционно обвиняемый профранцузскими хрониками того и более позднего периода в тирании и стремлении к узурпации власти Якоб ван Артевельде – вновь попытались всё же уговорить своего графа. Вероятно, постоянное давление со стороны подданных и усиливавшаяся популярность идей Якоба, игравшего теперь ведущую роль в городском совете Гента, казались Людовику слишком опасными, и чтобы подданные не заставили его насильно заключить союз с англичанами, граф предпочел бежать с женой и наследником ко двору Филиппа VI¹⁰.

Оставленные «на произвол судьбы» фламандцы в лице представителей крупнейших городов Гента, Брюгге и Ипра и Якоба ван Артевельде в качестве их лидера теперь имели все «основания» действовать самостоятельно. Тем не менее, «самоотстранение» Людовика Неверского от дел графства, вероятно, было не абсолютным. По крайней мере, именно так было выгодно представить дело Филиппу VI, когда в 1338 г. он издал документ, подтверждающий право фламандцев на соблюдение нейтралитета в конфликте между Англией и Францией. Издание этого французского договора с «добрыми городами Фландрии», последовавшего за договором о нейтралитете между англичанами и фламандцами, Филипп обосновывает просьбами, переданными ему графом Людовиком от «общин и горожан земли Фландрской».

По форме документ представляет собой, скорее, пожалование или уступку, сделанную верховным сюзереном своим подданным, проявившим «великое смирение» и выразившими «покорные извинения» королю. Тон и содержание «договора» позволяют сделать два не полностью взаимоисключающих предположения о причинах его появления: 1) Филипп VI пытается лишь «легализовать» самостоятельные действия непокорных

подданных, рассчитывая, что это поможет удерживать их от перехода на сторону Эдуарда III; 2) горожане действительно продолжали поддерживать контакты со сбежавшим графом и использовать его посредничество (и необходимый «авторитет» как номинального правителя) для воплощения в жизнь идеи Якоба ван Артевельде о нейтралитете Фландрии. Но не менее интересно то, что в этом документе Филипп VI четко встраивает восставших, действующих практически самостоятельно на внешнеполитической арене фламандских горожан в стройную систему традиционного отстаивания подданными своих экономических или политических интересов (подробнее речь об этой схеме пойдет ниже): фламандцы обращались к своему верховному сюзерену со смиренной просьбой, ни в коем случае не самостоятельно, а через своего непосредственного сеньора – графа. Король, как хороший верховный сюзерен, ко всем прислушался, во всем разобрался и «дарует» «все эти послабления» горожанам (которые «в дальнейшем будут вести себя честно и предано по отношению к нам и мирно между собой») «из... милости и силой... королевской власти»¹¹.

В этой связи интересно сравнение «договора» фламандцев с французами с заключенным чуть менее чем за месяц до него договора о нейтралитете с англичанами. Документ представляет собой пересказ того, о чем договорились между собой послы достаточно знатные послы Эдуарда III (названные поименно и поставившие на нем личные печати) и его поверенный на континенте (граф Рейнальд Гелдернский, также скрепляющий документ своей печатью) в Антверпене с «жителями добрых городов, кастелянств и всей земли Фландрской в целом», утверждаемой с одной стороны Эдуардом III и удостоверивший его печатью, с другой стороны – эшевенами города Гента, также прикрепившими к договору городскую печать¹².

В первую очередь, послы говорят о «любви и добром участии» фламандцев к Эдуарду III, а также возможности поспособствовать «торговому преуспеянию и процветанию добрых жителей земли Фландрской». Обговорив столь актуальные для фламандцев вопросы, касающиеся ведения торговли и обеспечения её безопасности, стороны переходят к вопросу о нейтралитете Фландрии. Жители Фландрии не должны выступать на чьей-либо стороне в англо-французском конфликте. Эдуард III обещает не вторгаться во Фландрию и не проезжать через неё, чтобы нанести урон гра-

фу Фландрскому, «земле Фландрской», а также Филиппу Валуа, его землям и сторонникам. При этом «жители земли Фландрской» (из дальнейшей оговорки в тексте документа очевидно, что подразумеваются города, как сила, осуществляющая контроль над остальной территорией графства) обязуются не допускать, чтобы Филипп и его сторонники (в данном случае уточнение по поводу графа Фландрии «дипломатично опускается») проезжали через фламандские земли, для того, чтобы вести военные действия против англичан. В случае нарушения Эдуардом III своей части обязательств и вторжения на территорию Фландрии за её жителями оговаривается право «помочь своему законному сеньору» Людовику Неверскому и оказать сопротивление англичанам «в пределах своей земли».

Один из пунктов договора также содержит разрешение («не обязан, но может») графу Фландрии, его родственникам и вассалам («которые добровольно ему служить пожелают») воевать за пределами Фландрии на любой стороне. Далее же следует уточнение, что все остальные («люди благородного происхождения», «именитые граждане» и «жители городов») имеют право не служить Людовику Неверскому, пока могут уклониться от этой обязанности на основании обычаев и вольностей своих городов¹³.

Таким образом, фламандцы, самостоятельно заключая договор с Эдуардом III, пытаются до определенной степени соблюсти «необходимый минимум» подчинения подданных своему сеньору: не отрицают его законных прав на власть над графством, а также формально оговаривают защиту его интересов в пределах Фландрии. Тем не менее, пункт, возлагающий на жителей фламандских городов полную ответственность (!) за организацию сопротивления Филиппу VI и его «союзникам» и не признающий за Людовиком какого-либо права проводить войска, которые должны будут сражаться против англичан через территорию его «собственного» графства, показывает, что Эдуард III расценивал и признавал в качестве настоящих правителей Фландрии именно тех, кто пошел на ведение с ним переговоров. Оговорки о графе и верховном сюзерене полностью отсутствуют в преамбуле документа, не ведется никакой речи о том, что фламандцы должны хотя бы попытаться его «легализовать». Более того, горожане пользуются возможностью подчеркнуть свое право не служить Людовику Неверскому и за пределами графства.

В дальнейшем фламандские города перешли от политики нейтралитета к открытой поддержке Эдуарда III, который (вероятно, по предложению Якоба ван Артевельде, придумавшего способ обойти проблему формального подчинения Фландрии Филиппу VI как правителю Французского королевства) официально объявил себя королем Франции в договоре, скрепляющим англо-фламандский союз. Несмотря на то, что Людовик Неверский не имел отношения к активной дипломатической деятельности, развернутой в это время горожанами под фактическим правлением Якоба ван Артевельде и включавшую в себя также договора с городами Брабанта¹⁴ и Геннегау (Эно), фламандцы продолжали либо пользоваться его именем (в случае заключения договора с Брабантом)¹⁵, либо частично «отстаивать» его интересы (в случае с союзным договором с Англией).

Впрочем, в последнем (оформленном в виде «привилегии», которую Эдуард III дарует сначала в качестве короля Англии, а затем и в качестве короля Франции «добрым городам Генту, Брюгге и Ипра, и другим городам, местечкам и кастелянствам всей земли Фландрской») было открыто прописано, что граф Фландрии еще может присоединиться к этому союзу в будущем, но только при условии, что он согласится править, «руководствуясь советами жителей трех добрых городов [Гента, Брюгге и Ипра – А.М.] и всей земли Фландрской». Эдуард брал на себя обязательство не вести никаких переговоров ни с Филиппом Валуа, ни с Людовиком Неверским, не поставив об этом в известность «представителей от общего совета трех названных городов Фландрии»¹⁶. Интересно, также, что этот документ показывает переход традиционных «династических» и территориальных требований, выдвигавшихся графами Фландрии на протяжении её истории к управлявшим на тот момент графством представителям городов. В связи с этим Эдуард III в качестве короля Франции возвращает графу Фландрии (а, учитывая его временное неподчинение – графству) города Лилль, Дуэ, Бетюн и Орши, графство Артуа, а также город Турне с зависимыми от него землями¹⁷.

Во время восстания 1379-1385 гг. фламандцы¹⁸ также пошли на ведение самостоятельных дипломатических переговоров с соседями, а также с английским королем Ричардом II (точнее, его регентским советом во главе с Джоном Гонтон). В первом случае, хотя политическим лидерам Гента, вновь оказавшегося во главе восстания, удалось

добиться определенной поддержки со стороны горожан Голландии, Зеландии, Брабанта и Льежа, восставшие не заключали с соседними княжествами формальных договоров¹⁹. Англичане, сделавшие несколько попыток помочь давним союзникам, в итоге прислали в город своего наместника. Он являлся претендующей на «официальность» альтернативой власти графа, второй за время восстания, на одном из этапов которого сын Якоба ван Артевельде Филипп провозгласил себя «регентом» Фландрии. Приглашение английского наместника стало возможным благодаря тому, что в ходе переговоров фламандцы вновь признали себя вассалами Ричарда II в качестве короля Франции²⁰.

Но многочисленные общепламандские и более локальные восстания горожан в течение XIV в., еще больше усилив политическую роль трех городов, не привели к какому-либо существенному изменению их формального положения: Гент, Брюгге и Ипр, контролировавшие большую часть территории Фландрии, так и остались под властью своих непосредственных сеньоров-графов. В связи с этим в мирные периоды развития Фландрии её города, пытаясь осуществлять относительно самостоятельную внешнюю политику или отстаивать свои экономические и политические интересы, зачастую сталкивались с множеством трудностей, в том числе и чисто формального характера. Относительно традиционным способом отстаивания собственных интересов для горожан были письма или устные обращения к сеньору с просьбами выполнить то или иное требование²¹.

Эффективность подобных методов была разной и часто зависела, в том числе, от отношений конкретного сюзерена со своими подданными. В период между восстаниями 1337-1345 и 1379-1385 гг. фламандские горожане продолжали предпринимать попытки влиять на внешнюю политику графства. Во многом это было связано с тем, что англичане в еще большей степени теперь воспринимали их как значительную силу во Фландрии, с которой можно вести отдельные переговоры и с помощью которой можно пытаться влиять на графа. Потеряв Фландрию в качестве явного и «официального» (пусть и не приносившего большой пользы в плане ведения военных действий) союзника после убийства Якоба ван Артевельде, англичане стремились использовать в своих интересах матримониальную политику, предлагая сначала выдать замуж за молодого графа Людовика Мальского (сына Людовика Неверского) одну из дочерей Эдуарда III,

а затем женить уже одного из сыновей Эдуарда на дочери самого Людовика Мальского – Маргарите, которая оказалась наследницей огромного комплекса земель, включая Фландрию и Артуа. Оба проекта оказались неудачными, несмотря на очевидную (особенно во втором случае) поддержку, полученную от представителей фламандских городов.

В первом случае, наученные горьким опытом отношений с предыдущим правителем, города Фландрии попытались с самого начала поставить нового графа под достаточно жесткий контроль, требуя, чтобы тот правил, следуя их советам. Для обеспечения «правильного» поведения сеньора, горожане постоянно лично сопровождали Людовика и даже сажали его под «домашний» арест. Тем не менее, поездка графа в район осажденного Эдуардом III Кале на переговоры об «английском браке», организованная представителями городов, не привела к желанному успеху. Людовик, притворившись, что он согласен на брак с дочерью английского короля, заключил помолвку, но когда слегка успокоенные этим фламандцы ослабили свой контроль над ним, сбежал во время соколиной охоты и направился к Филиппу VI²².

Вторая попытка фламандцев заключить «своими силами» матримониальный союз с англичанами (перспектива которого была тем более привлекательна, что в случае успеха речь бы шла о переходе Фландрии к представителю династии, на тот момент заинтересованной в успешном поддержании англо-фламандских торговых отношений) была чуть более успешной, так как дело дошло не только до переговоров с англичанами на уровне «законного сеньора», но и до заключения помолвки. Тем не менее, давление на графа со стороны Франции и значительной части родственников перевесило опасения графа в отношении возможной отрицательной реакции со стороны своих непокорных фламандских подданных, и он выдал Маргариту замуж за французского принца Филиппа Храброго, герцога Бургундского²³. Тем не менее, представителям Гента, Брюгге и Ипра удалось дробиться серьезного «дипломатического» успеха в 1372 г. Благодаря их усилиям Людовик Мальский заключил необходимый Фландрии в условиях возобновления активных военных действий между Англией и Францией при правлении Карла V торговый договор с англичанами²⁴.

Это привело к тому, что в конце XIV в. Фландрия оказалась в составе владений герцогов Бур-

гундских. Филипп Храбрый, находясь со своими северными подданными в натянутых отношениях, так как унаследовал Фландрию во время восстания 1379-1385 гг. Переход Фландрии под власть новой династии вызывал у горожан оказавшиеся обоснованными опасения и в связи с тем, что герцог Филипп Храбрый, будучи дядей и регентом короля Франции Карла VI, мог оказаться для Фландрии очередным сеньором, угрожающим своей политикой в отношении Англии экономическим интересам графства²⁵.

Тем не менее, Филипп сумел достаточно успешно сочетать функции одного из фактических правителей Франции с ролью графа Фландрии. В первую очередь это касалось организованных герцогом Бургундским переговоров с Ричардом II, результатом которых явилось заключение соответствовавшего интересам фламандцев 28-летнего перемирия с Францией в 1396 г.²⁶ Но переворот в Англии, приведший на трон Генриха IV, поставил под угрозу действие перемирия. Обострение англо-французского конфликта (не вылившееся в тот момент в открытое возобновление военных действий между странами) вызвало опасение у фламандских городов, так как в их интересах было поддерживать торговые связи, а по возможности, и мирные отношения с англичанами.

Но в начале XV в. ситуация складывалась достаточно неблагоприятно для них образом: Франция и Англия были на грани возобновления войны, действовавшие до этого договоры потеряли в глазах заключавших их сторон какую-либо силу, а это спровоцировало возникновение многочисленных проблем для ведения торговли²⁷. Отсутствие официального торгового договора или действующего перемирия обозначало отсутствие каких-либо гарантий безопасности, так как стороны практически переходили к действиям, нормальным для условий войны: нападением на корабли потенциального противника и их захвату вместе с грузами в качестве военных трофеев²⁸. Всё это способствовало и расцвету в водах между Англией и Францией (в особенности в зоне проливов) пиратства, что создавало опасность и для торговых кораблей третьих стран, число которых стало стремительно уменьшаться²⁹.

Крупные фламандские города (в отличие, возможно, от небольших городков Приморской Фландрии, жители которых были известны своей причастностью к пиратству) оказались, таким образом, заинтересованы в срочном заключении новых

договоров с Англией, благодаря которым был бы восстановлен нормальный ход англо-фламандской торговли. Поэтому фламандцы, не отказываясь от традиционных форм борьбы за свои интересы, в буквальном смысле забрасывали Филиппа Храброго, а затем его жену Маргариту Мальскую и сына – нового герцога Бургундского Жана Бесстрашного прошениями и требованиями о заключении необходимого договора, а также проведении прочих мер, которые могли бы способствовать стабилизации англо-фламандских отношений.

Но в их «арсенале» оказались и другие методы и возможности для отстаивания своих интересов, появившиеся в первую очередь благодаря появившимся в течение XIV в. традициям вмешательства городов во внешнюю политику графства³⁰. В этой связи они самым активным образом принимали участие в переговорах с англичанами о заключении торгового договора, настаивая на том, чтобы их правители не вели никаких переговоров с королем Англии без их ведома³¹. Зачастую на это же условие выдвигал и король Англии, справедливо полагавший, что фламандские горожане заинтересованы в успехе переговоров и постараются оказать влияние на послов, приехавших на переговоры со стороны герцога Бургундского. Это постоянно выдвигаемое требование показывало, что за представителями городов к этому времени закрепилось право выступать при решении проблем внешней политики Фландрии в качестве пусть и не самостоятельной, но отдельной и влиятельной силы. Такая их роль иногда оказывалась достаточно удобной. Например, когда англичане выступили в 1412 г. на стороне арманьяков, что обострило англо-бур-

гундские отношения, фламандские горожане всё равно смогли успешно продлить действие уже заключенного к тому моменту торгового договора с Англией, выступая фактически как самостоятельная сила (в выработанном фламандцами и англичанами тексте документа сеньор Фландрии - герцог Бургундский вообще не упоминается)³².

Таким образом, сложная политическая и экономическая ситуация, в которой происходило политическое развитие фламандских городов в течение XIV - начала XV века привела к тому, что они были вынуждены вмешиваться в вопросы внешней политики графства, формально не имея на это никаких полномочий. По этой причине на протяжении десятилетий фламандцы вырабатывали самые разные решения, позволяющие им играть роль полусамостоятельного (а иногда и самостоятельного) участника «международных» отношений того периода. Защита экономических интересов Фландрии, послужившая первопричиной внешнеполитической активности представителей её городов, в свою очередь привела к еще большему усилению политической роли городов в самом графстве. Благодаря этому сеньоры Фландрии к началу XV века уже не могли не считаться (хотя бы до определенной степени) с внешнеполитическими амбициями своих могущественных городов, позволяя им играть ту важную роль в процессе дипломатических переговоров, которая сложилась на протяжении предыдущего периода и которую они продолжали претендовать, добиваясь (традиционными и нетрадиционными способами) проведения необходимой для обеспечения защиты их интересов политики.

ССЫЛКИ:

¹ Подробнее о некоторых из этих процессов см.: *Калмыкова Е.В.* Исторические представления англичан XIV-XVI вв. о Столетней войне. Формирование английского национального самосознания. М. 2002.

² Например, непосредственно перед началом Столетней войны Льежское епископство наряду с Люксембургом – родовым гнездом будущей императорской династии – выступили в поддержку прав династии Валуа. Но большая часть их соседей, а также занимавший в тот момент императорский трон Людвиг Баварский поддержали претензии Эдуарда III на трон Франции. Войдя в антианглийскую коалицию в 1337 г., Иоанн Люксембургский (Иоанн Слепой) в 1339 г. подписал очередное перемирие с императором, одним из пунктов которого стало признание права Иоанна воевать на стороне Франции.

³ *Пиренн А.* Средневековые города Бельгии / Пер. с фр. Под редакцией проф. Е.А. Косминского. СПб., 2001. – С. 198-200.

⁴ Фландрская хроника // Хроники и документы времен Столетней войны / Пер. и прим. М.В. Аникиева; под ред. Ю.П. Малинина. СПб., 2005. С. 124.

⁵ *Фруассар Ж.* Амьенский манускрипт // *Фруассар Ж.* Хроники. 1325-1340 / Пер. и прим. М.В. Аникиева. СПб., 2008. С. 73-74.

⁶ *Ле-Бель Ж.* Правдивые хроники // Хроники и документы времен Столетней войны. С. 72.

- ⁷ Фландрская хроника // Хроники и документы времен Столетней войны. С. 117, 122.
- ⁸ *Фруассар Ж.* Амьенский манускрипт // *Фруассар Ж.* Хроники. 1325-1340. С. 109-110.
- ⁹ Там же. С. 124-126.
- ¹⁰ Там же. С. 134-135.
- ¹¹ Договор Филиппа VI Валуа с добрыми горожанами Фландрии об их нейтралитете (13 июля 1338 г.) // Хроники и документы времен Столетней войны. С. 275-276.
- ¹² Вероятно, к другим копиям документов прикреплены и печати других городов Фландрии. По крайней мере, именно так выглядят другие договоры, заключенные фламандскими городами в период восстания.
- ¹³ Договор короля Англии с добрыми фламандскими городами о нейтралитете Фландрии (10 июня 1338 г.) // Хроники и документы времен Столетней войны. С. 271-275.
- ¹⁴ Интересно, что заключив этот договор, скрепленный 89 печатями крупнейших городов Брабанта и Фландрии, а также многочисленных сеньоров этих княжеств (возможно, что их включение в договор и послужило причиной его формального заключения именно от имени законных сеньоров герцогства и графства), фламандцы начали отстаивать и брабантские интересы, оговаривая их в договоре с Англией.
- ¹⁵ Союзный договор городских общин Фландрии и Брабанта (3 декабря 1339 года) // Хроники и документы времен Столетней войны. С. 291-292, 297.
- ¹⁶ Союзный договор Эдуарда III с городскими общинами Фландрии (23 марта 1340 года) // Хроники и документы времен Столетней войны. С. 299-301.
- ¹⁷ Там же. С. 307.
- ¹⁸ Восстание началось из-за противоречий между Гентом и Брюгге, но переросло в войну против графа Людовика Неверского, который пытался сопротивляться действиям своих подданных, используя против них силы своего зятя герцога Бургундского Филиппа Храброго, бывшего также одним из регентов Франции.
- ¹⁹ См. подробнее: *Майзлюи А.А.* Городская солидарность: реакция на городские восстания в Нидерландах в XIV – сер. XV вв. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История, международные отношения. Вып 4. Том 12. Саратов, 2012. С. 6-9.
- ²⁰ *Froissart J.* Les chroniques de sire Jean Froissart, qui traitent des merveilleuses emprises noble aventures et faits d'armes advenus en son temps, en France, Angleterre, Bretagne, Bourgogne, Escosse, Espagne, Portingal et les autres parties / Nouvellement revues et augm. d'après les manuscrits, avec notes, éclaircissements, tables et glossaires par J.A.C. Buchon. V.1-3. Paris, 1835-1838. V.2. P. 308, 341-344, 350. (Далее: *Froissart J.* Les chroniques.)
- ²¹ Например, часто именно так отстаивали свои интересы жители конфедерации Пяти портов в Англии. С подобными просьбами они могли обращаться как непосредственно к королю, так и к стражу 5-ти портов, которым обычно являлся один из наиболее могущественных лордов королевства. См.: Анисимова А.А. «Чтобы мы могли жить в мире»: горожане Фордвича в тяжбах с монастырем // Долгое Средневековье. Сборник в честь профессора Аделаиды Анатольевны Сванидзе. М.: Кучково поле, 2011. – С. 31–44.
- ²² *Фруассар Ж.* Манускрипты «Семейства А/В» // *Фруассар Ж.* Хроники. 1340-1350 / Пер. и прим. М.В. Аникеева. СПб., 2012. С.538-542, 569-571.
- ²³ См. подробнее: *Майзлюи А.А.* Как королю Англии стать сюзереном Фландрии (дипломатическая борьба за графство во второй половине XIV в.) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История, международные отношения. Вып 2. Том 12. Саратов, 2012. С. 10-14.
- ²⁴ *Froissart J.* Les chroniques. V. 1. P. 631-632.
- ²⁵ *Cabaret d'Orronville J.* Vie de Louis de Bourbon / Buchon, J. A. C. Choix de chroniques et memoires sur l'histoire de France. Paris. 1838. V. 11. P. 163; *Froissart J.* Les chroniques. V. 2. P. 500-501, 524-525, 530-531.
- ²⁶ Trêve de 28 ans, conclue à Paris entre Charles VI et Richard II le 9 mars 1396 // Les grands traités de la Guerre de Cent ans. / Ed. E.Cosneau. Paris, 1889. P. 70-80.
- ²⁷ Див.: Циватий В.Г. Проблема влади і владарі-державці у Західній Європі середньовіччя та раннього нового часу (політико-правові теорії і реальність) // Середньовічна Європа: погляд з кінця ХХ ст.: Матеріали міжнародної наукової конференції / Чернівецький державний університет ім.Ю.Федьковича. – Чернівці, 2000. – С. 57-62.
- ²⁸ Lettres de Philippe le Hardi, duc de Bourgogne, pour la protection à accorder au commerce des Flandres, dans l'éventualité d'une guerre entre la France et l'Angleterre (29 août 1403) // Choix de pieces inédites relatives au règne de Charles VI / Ed. L. Douët -d'Arcq. Paris, 1863. T.1. P. 212-213.
- ²⁹ Lettre de la duchesse de Bourgogne au bailli de Bruges (14 mai 1404) // Le Cotton Manuscrit. Le Cotton Manuscrit Galba BL / Annoté par M.L. Gilliodts van Severn. Bruxelles, 1896. P. 84. (Далее: Le Cotton Manuscrit Galba BL.)
- ³⁰ Записи счетной палаты Свободного Округа Брюгге показывают, что фламандские горожане были в этот период особенно активны: за год они собирались вместе около 40 раз, обсуждая в том числе, вопросы, связанные с торговлей и внешней политикой. Compte [de Bruges – A.M.] du 2 septembre 1404 au 2 septembre 1405 // Le Cotton Manuscrit. P. XXVII.

³¹ Lettre des ambassadeurs anglais à Calais au roi Henri IV (26 septembre 1404) // Le Cotton Manuscrit. P. 139-141.

³² De Proclamatione Treugarum Flandriae // Rymer T. Foedera, conventiones, litterae et enjusque generis acta publica, inter reges Angliae & alios quosuis imperatores, reges, pontifices, principes vel communitates, ab ingrafsa Gulieelmi 1 in Angliam, AD 1066 ad nostra usque tempora habita ess tractata. Londoni, 1816 – 1830. V.4. Pt. 2. P. 17-18.

Mayzlish A.A. / Diplomacy of Flemish cities in the XIV – early XV century / Institute of World History, Russian Academy of Sciences.

«International» relations during the Middle Ages can be regarded as a complicated scheme of interrelations of different actors that often had different juridical status. One of the most vivid examples of such processes during the XIVth and XVth centuries was the county of Flanders. Faced with the serious crisis in the beginning of the Hundred Years' War Flemish cities had to look for the unusual ways of protecting of their economical interests. It caused the main cities (Ghent, Bruges and Ypres) to behave as an almost independent power able to perform its own foreign policy.

Keywords: Flanders, cities, Middle Ages, diplomacy, Hundred Years' War, international relations, The Netherlands, political history, urban studies.

Майзліш А.О. Дипломатія фламандських міст у XIV – початку XV століття / Інститут всесвітньої історії Російської академії наук.

«Міжнародні» відносини в Середні віки представляли собою досить складну систему взаємодії між сторонами, часто мали різний правовий статус. Тому складна ситуація, в якій опинилися фламандські міста на початку Столітньої війни, спонукала їх шукати нетрадиційні способи захисту своїх економічних інтересів. Це призвело до виступу фламандських міст (Гента, Брюгге і Іпра) як фактично самостійної сили, яка проводить власну зовнішню політику і дипломатію.

Ключові слова: Фландрія, міста, Середні віки, дипломатія, Столітня війна, міжнародні відносини, Нідерланди, політична історія, міська історія.

Стаття надійшла до редколегії 17.05.2013

Прийнята до друку 18.06.2013